

ИСТОРИЯ

HISTORY

Научная статья

УДК 327(517.3)

DOI 10.18101/2949-1657-2025-4-55-65

Особенности развития международных связей Монголии после демократической революции 1990 года

© Гармаев Бавасан Баирович

стажер-исследователь лаборатории «Центр переводов с восточных языков»,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

bavasangarmaev@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются трансформация и основные векторы международных связей Монголии в первое десятилетие после демократической революции 1990 г. Распад биполярной системы и глубокий социально-экономический кризис вынудили страну кардинально пересмотреть внешнюю политику, отказавшись от одно-сторонней ориентации на СССР в пользу многовекторной дипломатии и стратегии «третьего соседа». Исследуется процесс формирования новой внешнеполитической доктрины, направленной на диверсификацию партнерств и балансирование между Россией, Китаем и ведущими державами Запада и Азии. Материалами исследования выступили нормативно-правовые акты Монголии, данные внешнеторговой статистики и научные труды монгольских и российских исследователей. На основе анализа выявлены ключевые задачи, которые требовалось решить для успешной реализации нового курса: преодоление последствий геополитического кризиса и экономической зависимости, формирование новой правовой базы внешней политики, установление отношений с новыми партнерами (США, Япония, Южная Корея, международные организации), а также обеспечение баланса интересов между Россией и Китаем для защиты суверенитета и национальной безопасности.

Ключевые слова: Монголия, внешняя политика, многовекторная дипломатия, третий сосед, демократическая революция, международные связи, Россия, Китай, национальная безопасность.

Для цитирования

Гармаев Б. Б. Особенности развития международных связей Монголии после демократической революции 1990 года // Восточный вектор: история, общество, государство. 2025. Вып. 4. С. 55–65.

Введение

Демократическая революция 1990 г. в Монголии стала поворотным моментом, изменившим характер внутреннего устройства страны, а также повлиявшим на базовые подходы к выстраиванию новой внешней политики. Распад биполярной системы и последовавший за ним глубокий социально-экономический кризис вынудили руководство страны кардинально пересмотреть стратегию развития государства. Монголия, десятилетиями ориентировавшаяся исключительно

на Советский Союз, столкнулась с необходимостью выработки иной перспективы развития, которая позволила бы ей сохранить суверенитет и обеспечить национальную безопасность в изменившихся геополитических условиях.

Отказ от односторонней внешнеполитической ориентации и переход к многовекторной дипломатии, ключевым элементом которой стала концепция «третьего соседа», составили суть трансформации внешней политики Монголии в 1990-е гг. Этот процесс сопровождался формированием новой нормативно-правовой базы, активным поиском новых партнеров и попыткой выстроить сбалансированные отношения с двумя географическими соседями — Россией и Китаем.

Историография вопроса

Изучение международных связей Монголии после демократической революции 1990 г. является актуальной проблемой в отечественной и зарубежной науке. Российское востоковедение в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, Новосибирске и Улан-Удэ внесло значительный вклад в анализ сложного постсоветского периода отношений двух стран. Например, В. А. Родионов исследовал причины и характер изменений в подходах российского и монгольского руководства к двусторонним отношениям, отмечая, что «системные изменения в России и Монголии начала 1990-х гг. привели к пересмотру концептуальных основ внешней политики обеих стран» [17]. Он подчеркнул, что «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве» 1993 г. ознаменовал переход от союзнических отношений к добрососедским. Г. С. Яскина справедливо отмечала, что этот договор «фактически уравнивал Россию в восприятии Монголии со всеми остальными ее внешнеполитическими партнерами» [25]. В. Б. Базаров акцентировал внимание на том, что сотрудничество в 1990-е гг. характеризовалось разрывом экономических связей и ослаблением политического диалога, а Монголия столкнулась с глубочайшим кризисом из-за нарушения прежних мирохозяйственных связей [3]. М. И. Гольман выделяет ключевую роль США как «третьего соседа» Монголии. Он выделяет характер сотрудничества, включая политическую поддержку, финансовую помощь и военно-техническое сотрудничество, что позволило Вашингтону стать главным «патроном демократических преобразований» в стране [27].

Монгольская наука о международных отношениях, формировавшаяся до конца XX в. под влиянием советской научной мысли, после демократических преобразований начала активно интегрировать западные подходы. Ученые Ж. Баясах [6], Г. Төмөрчулуун [19] и Ц. Лхам посвятили свои работы анализу новой внешней политики, вопросам национальной безопасности и концепции «третьего соседа». Дипломат и ученый Ж. Энхсайхан уже в 1990 г. предлагал разные варианты внешнеполитического курса, включая постоянный нейтралитет или поиск международных гарантий безопасности [24].

Среди западных исследователей Сара Телфорд приходит к выводу, что несмотря на формальное усиление суверенитета реальная независимость внешнеполитического курса Улан-Батора ограничена необходимостью финансовой помощи и влиянием могущественных внешних сил. Она детально анализирует, как интересы Китая (через экономические инвестиции), США (через военную помощь и политические консультации) и международных финансовых институтов формируют принятие решений Монголией, фактически продолжая историческую

модель, при которой ее выживание зависит от предоставления крупным державам интереса в ее независимости [27, р. 1–2, 13–15].

Гюлпери Гюнгер указывает на ограниченность внешнеполитических возможностей Монголии из-за ее географического положения. Исследовательница выделяет ключевую проблему экономической зависимости от Китая и отмечает недостаточность внимания со стороны западных «третьих соседей» для создания реального противовеса [26, р. 1–4].

Джон Чин в своей статье дает анализ внутривнутриполитического наследия революции 1990 г., рассматривая Монголию как пример «маловероятной демократии», сумевшей укорениться в сложных геополитических условиях. Исследователь акцентирует успешную двойную трансформацию, а именно политическую и экономическую, а также отмечает, что несмотря на определенные риски и откаты демократия в Монголии остается устойчивой. Особое внимание он уделяет внешнеполитическому курсу «третьего соседа» как инструменту балансирования между Россией и Китаем и сохранения суверенитета [29].

Таким образом, существующая историография не только подтверждает факт пересмотра Монголией внешнеполитических подходов после распада СССР, но и выявляет сложный, подчас противоречивый характер этого процесса, в котором переплелись задачи преодоления экономического кризиса, обеспечения суверенитета и поиска новой международной идентичности.

Геополитический контекст

и выработка новой внешнеполитической доктрины

Распад Советского Союза стал для Монголии масштабным системным шоком. Страна, десятилетиями находившаяся в орбите советского влияния, мгновенно лишилась основного политического союзника, донора и рынка сбыта своей продукции. Глубокий социально-экономический кризис, безработица и угроза голода стали непосредственными вызовами, требовавшими немедленного решения. В этих условиях руководство страны пришло к пониманию, что дальнейшая односторонняя ориентация на Москву не только невозможна, но и стратегически опасна.

В XX в. Монголия вместе с советскими войсками сыграла значительную роль в победе во время Второй мировой войны, особенно в битве на Халхин-Голе, что создало прочную основу для союзнических отношений. В социалистический период страны подписали несколько соглашений, таких как Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Монгольской Народной Республикой 1966 г. Однако после 1990 г. Монголия стремилась выстроить стратегическое партнерство с великими державами и государствами — членами международных организаций для защиты своего суверенитета и содействия стабильности.

Ответом на эти вызовы стала выработка принципиально новой внешнеполитической стратегии. Ее правовой основой выступили Конституция Монголии 1992 г., провозгласившая страну парламентской республикой, и два фундаментальных документа, принятые в 1994 г.: «Концепция национальной безопасности» и «Концепция внешней политики Монголии». Эти документы закрепили отказ от блоковой политики и провозгласили принципы многовекторности, равноудаленности, неприсоединения и нейтралитета. Однако, как отмечает Л. В. Курас, внутренний политический процесс в Монголии, сопровождавшийся

жесткой борьбой между МНРП и демократической партией, социальной напряженностью и событиями «юрточной революции» 2008 г., создавал сложный фон для реализации этой доктрины, требуя от руководства страны лавирования между различными политическими силами и их внешнеполитическими предпочтениями [13, с. 85–86].

Ключевой идеей, вокруг которой стала выстраиваться новая дипломатия, стала концепция «третьего соседа». Это понятие, имеющее скорее политико-идеологический, нежели географический, характер, подразумевало установление и развитие тесных отношений с развитыми демократическими государствами Запада и Азии (США, Япония, Южная Корея, страны ЕС), а также с международными организациями. Целью было создание сети альтернативных партнерств, которые позволили бы Монголии балансировать между влиянием России и Китая, обеспечивая себе тем самым больший суверенитет и пространство для маневра.

Динамика отношений с Россией и Китаем после 1990 г.

Отношения с Россией в первое постреволюционное десятилетие претерпели наиболее серьезную трансформацию. Распад СССР и Совета экономической взаимопомощи означал для Монголии не только потерю политического союзника, но и крах сложившейся за десятилетия интеграции, в рамках которой СССР и страны соцсодружества оказали решающее влияние на создание современной для того времени промышленности, транспортной инфраструктуры и системы здравоохранения Монголии [12, с. 685]. Как отмечает В. А. Родионов, Монголия рассматривала дистанцирование от Москвы как неотъемлемую часть стратегии расширения международных связей [17]. Если в 1980 г. доля СССР в совокупном внешнеторговом обороте Монголии составляла около 85%, то к 1992 г она рухнула до 55%, а к середине 1990-х гг. снизилась до уровня в 20–30% [24, с. 375; 23, с. 385]. Это привело к глубокому кризису, так как советские кредиты и материальная помощь ранее превышали 90% всех иностранных финансовых вложений и обеспечивали 75% капиталовложений в народное хозяйство Монголии [8, с. 72]. Подписание в 1993 г. Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве юридически закрепило переход от отношений союзничества к прагматичному добрососедству. Экономические связи переживали стагнацию: товарооборот между Россией и Монголией на протяжении большей части 1990-х гг. практически не выходил за предел в 300 млн долларов США [24, с. 385]. Рост наметился лишь на рубеже 2000-х гг., достигнув к 2004 г 362,6 млн долларов, причем в значительной степени он обеспечивался за счет российского экспорта, в то время как монгольский экспорт в Россию оставался на низком уровне, варьируясь в 1998–2003 гг. в пределах 37,7–46,8 млн долларов ежегодно [24, с. 385]. Инвестиционная деятельность российских компаний в отличие от китайских и западных была скорее инерционной. Российский бизнес не был готов к проникновению в новые, крупные, стратегические месторождения: угольные «Таван Толгой» и медные «Оюу Толгой». Такие экспортные сырьевые маршруты Монголии сложились в 1990-е гг. и изменить их России было чрезвычайно сложно [16, с. 7].

В этот период, как подчеркивает С. Г. Лузянин, во внешней политике Монголии появился концепт «третьего соседа», объединивший США, ЕС, Южную Корею и Японию. Традиционная субрегиональная российско-монголо-китайская система была демонтирована этим фактором, в котором ведущую роль играли

США и Япония, организовавшие финансово-экономическую и «донорскую» помощь Монголии [15, с. 7].

Россия перестала быть гарантом военно-политической безопасности Монголии, а двусторонние связи, особенно в экономической сфере, переживали глубокий кризис. В. Б. Базаров характеризует этот период как время разрыва экономических связей и ослабления политического диалога [3, с. 234]. Российские позиции в Монголии существенно ослабли, что было обусловлено как общим курсом Москвы на Запад в начале 1990-х гг., так и внутренними экономическими трудностями самой России. Кризис затронул и приграничное сотрудничество, которое, как отмечают исследователи, в советский период «было встроено в централизованную сеть и имело ограниченный сегмент торгово-экономического взаимодействия, но довольно хорошо развитую организацию гуманитарных связей» [11, с. 4]. Взаимные претензии накапливались и в сфере энергетики, где монопольное положение российского экспортера и растущие тарифы побуждали Монголию искать пути снижения энергозависимости, в том числе через планы строительства собственных гидротехнических сооружений, что впоследствии вылилось в сложные межгосударственные споры вокруг каскада Шурэнских ГЭС на р. Селенге [11, с. 5].

Параллельно началось стремительное наращивание связей с Китаем. Пользуясь ослаблением российского влияния и руководствуясь прагматичными экономическими интересами, КНР быстро стала одним из ключевых торговых партнеров Монголии. Однако рост китайского влияния вызвал в монгольском обществе и среди политической элиты определенные опасения, связанные с рисками экономической зависимости и угрозой суверенитету. Эта двойственность — между экономической выгодой от сотрудничества с Китаем и опасениями по поводу его растущего влияния — стала одной из определяющих черт внешней политики Монголии в 1990-е гг. и сохраняется до сих пор. Как отмечает Б. В. Базаров, уже в этот период начинала формироваться китайская стратегия активного экономического проникновения, включавшая планы масштабной разработки монгольской инфраструктуры и ресурсов, что в долгосрочной перспективе создавало риски для экономического суверенитета страны [2, с. 7].

Реализация политики «третьего соседа»: установление связей с новыми партнерами.

Стратегия «третьего соседа» стала практическим инструментом диверсификации внешней политики и снижения рисков чрезмерной зависимости от двух непосредственных соседей. Эта политика была направлена не только на поиск экономических партнеров, но и на создание противовесов, что особенно актуально в контексте усиливающегося экономического давления со стороны Китая, выражающегося, по мнению Б. В. Базарова, в стратегии «восьми дорог» — плане комплексного транспортного и инфраструктурного проникновения КНР в монгольскую экономику [2, с. 6–7]. Активность «третьих соседей» проявлялась и в других сферах. Например, западные партнеры Улан-Батора, как отмечают российские исследователи, «регулярно призывали монголов "снять с себя энергетическую зависимость от России"» [11, с. 5], что подталкивало Монголию к реализации собственных инфраструктурных проектов, порой вступающих в противоречие с российскими интересами. В 1990-е гг. Монголия активно устанавливала и развивала отношения с США, Японией, Республикой Корея, странами Евро-

пейского союза, а также с международными организациями, такими как МВФ и Всемирный банк.

Отношения с Вашингтоном быстро вышли на высокий уровень. США стали оказывать Монголии значительную финансовую помощь и поддержку в проведении демократических реформ. Американские чиновники к концу 1990-х гг. публично поддержали концепцию «третьего соседа».

Япония и Южная Корея стали важными донорами и инвесторами, активно участвуя в реализации инфраструктурных и гуманитарных проектов на территории Монголии. Особенно динамично развивалось партнерство с Южной Кореей, которая с 1990-х гг. не только оказывала финансовую помощь, но и стала одним из ключевых торговых партнеров Монголии в Азии. Как показывают исследования, торговый оборот между двумя странами демонстрировал положительный рост, достигнув пика в 520,4 млн долларов США в 2013 г., хотя и характеризовался структурным дисбалансом в пользу корейского импорта [4, с. 224–227]. Партнерство с другими «азиатскими тиграми» — Сингапуром и Тайванем — также развивалось, но их доля во внешней торговле Монголии оставалась значительно меньшей [4, с. 225–226].

Вступление в международные финансовые институты и активное участие в работе ООН и ОБСЕ позволили Монголии заручиться дополнительными гарантиями своей безопасности и интегрироваться в глобальные политические и экономические процессы.

Эта активная работа на новых направлениях позволила Монголии не только привлечь необходимые для преодоления кризиса ресурсы, но и значительно повысить свой международный авторитет, создав образ успешной демократизирующейся страны в Центральной Азии. Одной из практических площадок для реализации этой стратегии и балансирования между крупными державами стало участие Монголии в трехстороннем формате «Россия — Китай — Монголия» на полях саммитов ШОС. Однако, как показывают исследования, данный формат в период 2014–2022 гг. использовался сторонами не столько для согласования перспективных проектов (таких как «Экономический коридор»), сколько для постулирования своих позиций и попыток привлечь третью сторону к существующим двусторонним противоречиям [14, с. 245].

Гуманитарное сотрудничество между Россией и Монголией после 1990 г.

Параллельно со сложными процессами в политической и экономической сферах гуманитарное сотрудничество между Россией и Монголией демонстрировало как признаки преемственности, так и новые вызовы. Распад СССР и последовавший за ним глубокий экономический кризис в России и Монголии нанесли тяжелый удар по гуманитарному сотрудничеству. Прекратилось крупномасштабное финансирование совместных проектов, были остановлены многие стройки объектов социального и культурного назначения, перестали поступать безвозмездные кредиты [23]. Система образования Монголии, десятилетиями выстраивавшаяся при поддержке СССР, столкнулась с острой нехваткой финансов, что привело к оттоку кадров и сокращению контингента учащихся [23]. Несмотря на резкое сокращение бюджетного финансирования и системной поддержки, характерных для советской эпохи, гуманитарные связи, основанные на глубоких исторических и культурных корнях, продолжили играть важную роль в поддержании «человеческого измерения» в отношениях двух стран. Этот период характеризо-

вался формированием новой договорно-правовой базы и поиском новых форм взаимодействия в условиях изменившихся реалий.

Ответом на системный кризис в отношениях стало активное формирование новой договорно-правовой базы. «В 2002 г. страны подписали «Программу сотрудничества Правительства РФ и Правительства Монголии в области науки и культуры на 2003–2006 гг.», что стало знаковым моментом в новейшей истории российско-монгольских отношений» [1, с. 225]. Эти документы были более детализированными по сравнению с советскими аналогами и заложили основу для последующей совместной работы, которая активизировалась в конце десятилетия с подписанием первых программ культурного и научного сотрудничества.

Ключевым элементом сотрудничества оставалась сфера образования. Тысячи монгольских граждан по-прежнему получали высшее образование в российских вузах, хотя их количество по сравнению с советским периодом сократилось на порядок. Если «в 1986–1990 гг. из Монголии в советские вузы ежегодно направлялось до 1 300 чел., тогда как общее количество первокурсников из всех других стран, вместе взятых, составляло лишь 160 чел. в год», то в 1990-е гг. этот поток резко уменьшился из-за перехода на платную основу обучения и общего охлаждения отношений [23, с. 97]. Тем не менее Россия продолжала предоставлять стипендии за счет федерального бюджета, что позволяло поддерживать кадровый потенциал. Знаковым событием, свидетельствующим о позитивной динамике в двусторонних отношениях, стало решение властей Монголии о возвращении русского языка в школьную программу в качестве предмета, изучаемого с седьмого класса [19, с. 258]. Подготовка высококвалифицированных кадров для Монголии велась по инженерно-техническим, медицинским, естественнонаучным и гуманитарным специальностям. Выпускники советских и российских вузов составляли и продолжают составлять значительную часть монгольской политической, научной и культурной элиты, что создавало прочную основу для взаимопонимания.

Важную роль играло научное сотрудничество, в котором ведущую позицию занимали академические институты Сибирского отделения РАН, расположенные в Улан-Удэ, Иркутске и Новосибирске. Совместные исследования велись в области монголоведения, истории, филологии, этнографии, а также в сфере изучения и охраны окружающей среды бассейна озера Байкал и трансграничных рек. Несмотря на финансовые трудности, продолжались научные конференции и экспедиции. В культурной сфере наблюдался переход от централизованного обмена к более точечным проектам. Гастроли творческих коллективов, выставки и фестивали, хотя и стали менее регулярными, продолжались. Значимым фактором оставалось влияние русской культуры, подкрепленное знанием русского языка среди старшего и среднего поколения монголов. Согласно социологическим исследованиям, проведенным Монгольской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы в 1990-е гг., 67,5% опрошенных монголов могли читать и понимать по-русски, 45% — писать, а 33,7% — говорить. При этом 20% респондентов использовали русский язык ежедневно [22, с. 15]. Однако в этот период наметилась тревожная тенденция к снижению популярности русского языка среди молодежи, которая стала активнее ориентироваться на английский и восточноазиатские языки, что было прямым следствием изменения внешнеполитических и экономических приоритетов страны и сокращения финансирования про-

грамм продвижения русского языка за рубежом. Центральной площадкой для поддержания культурных связей оставался Российский центр науки и культуры в Улан-Баторе, открытый еще в 1976 г. Именно на его базе организовывались международные конференции, образовательные выставки и конкурсы, которые были призваны поддерживать интерес к русскому языку и культуре в монгольском обществе.

Помимо академической науки и формального культурного обмена стабильную связь между обществами России и Монголии обеспечивали и более глубокие, неформальные пласты общей культуры. Особой, неформальной, но чрезвычайно важной формой гуманитарного сотрудничества стали общие национальные праздники, в первую очередь, Сагаалган (Новый год по лунному календарю) и Сурхарбан (Эрын гурбан наадан — Три игры мужей). Проведенный опрос демонстрирует, что совместное празднование национальных торжеств уже много лет остается действенным фактором укрепления связей между бурятами и монголами в рамках гуманитарного сотрудничества [5]. Эти праздники, имеющие глубокие исторические и культурные корни у бурятского и монгольского народов, выступали мощным объединяющим фактором для приграничных регионов России, в частности Республики Бурятия, и Монголии. Эти праздники, имеющие глубокие исторические и культурные корни у бурятского и монгольского народов, выступали мощным объединяющим фактором для приграничных регионов России, в частности Республики Бурятия, и Монголии.

Несмотря на возросшую конкуренцию в сфере культурного влияния, Российская Федерация сохраняет образ надежного партнера в восприятии монгольской общественности, особенно среди старшего поколения. В то же время, как показывают исследования, современная монгольская молодежь уже не рассматривает Россию в качестве основного ориентира. Согласно экспертным оценкам «в предпочтениях монгольской молодежи относительно получения образования и последующего трудоустройства явный приоритет отдается США, далее следуют страны ЕС, Республика Корея и КНР» [9, с. 78].

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что первое постреволюционное десятилетие стало для Монголии периодом кардинальной перестройки международных связей в условиях глубокого системного кризиса. Распад биполярной системы и разрыв традиционных экономических и политических связей с СССР вынудили страну искать новые внешнеполитические ориентиры. Ответом стал отказ от прежней односторонней зависимости и переход к многовекторной дипломатии, концептуальной основой которой выступила стратегия «третьего соседа».

На практике новая политика реализовывалась по нескольким ключевым направлениям. Во-первых, произошло сложное переформатирование отношений с непосредственными соседями: отношения с Россией трансформировались от союзнических к прагматичному добрососедству, в то время как стремительный рост экономических связей с Китаем сопровождался нарастающими опасениями относительно рисков новой зависимости. Во-вторых, была предпринята активная диверсификация внешнеполитического ландшафта путем установления партнерств с такими странами, как США, Япония и Южная Корея. Это позволило привлечь дополнительные ресурсы для развития, хотя и поставило Монголию

перед необходимостью тщательного балансирования между интересами новых партнеров и защитой собственного экономического суверенитета. В-третьих, несмотря на сокращение взаимодействия, удалось сохранить базовый гуманитарный каркас отношений с Россией, который сыграл стабилизирующую роль.

Таким образом, к концу 1990-х гг. Монголии удалось не только смягчить последствия острой фазы кризиса, но и заложить основы новой внешнеполитической модели. Эта модель, основанная на многовекторности и балансировании, позволила стране адаптироваться к изменившимся геополитическим условиям и продолжает определять ее позицию в системе международных отношений.

Литература

1. Актамов И. Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX — начале XXI веков // Научный диалог. 2020. № 4. С. 221–237. Текст: непосредственный.
2. Базаров В. В. Монгольский мир в условиях восточноазиатского взаимодействия // Мир Центральной Азии. Улан-Удэ, 2010. С. 3–15. Текст: непосредственный.
3. Базаров В. В. Монголо-российское стратегическое партнерство в 1990–2000-х гг. // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 233–238. Текст: непосредственный.
4. Базаров В. В., Гомбоев А. Б. «Азиатские тигры» во внешней политике Монголии // Власть. 2015. № 10. С. 224–227. Текст: непосредственный.
5. Башкуева Е. Ю. Гуманитарное сотрудничество Республики Бурятия с Монголией и Китаем: состояние и перспективы // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 2(34). С. 227–232. Текст: непосредственный.
6. Баясах Ж. Монгол улс ба хөрш орны гадаад бодлого. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2015. 454 р.
7. Грайворонский В. В. Концепция внешней политики Монголии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 56–69. Текст: непосредственный.
8. Гербова А. А. Монголия — 2002: макроэкономика и экономическое сотрудничество // Азия — 2002: новые тенденции в экономике и внешней политике. Москва, 2003. С. 70–79. Текст: непосредственный.
9. Дагбаев Э. Д., Актамов И. Г. Ценностные ориентации и установки современной молодежи Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Востоковедение. 2017. № 2. С. 73–80. Текст: непосредственный.
10. Джагаева О. А. Особенности политического сотрудничества между Российской Федерацией и Монголией в 1990-х — начале 2000-х гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 2(42). С. 6–12. Текст: непосредственный.
11. Дугаров В. Д., Намжилова Ч. Д. Взаимоотношения России и Монголии на рубеже XX–XXI вв.: основные направления и тенденции развития // Восточная аналитика. 2024. Т. 14, № 1. С. 245–252. Текст: непосредственный.
12. Кузьмин Ю. В. Монголия и СЭВ: опыт успешного сотрудничества // Историко-экономические исследования. 2023. Т. 24, № 4. С. 682–693. Текст: непосредственный.
13. Курас Л. В. Монголия в начале XXI века: гримасы демократии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 4. С. 84–95. Текст: непосредственный.
14. Кушхов Б. Х. Выступления лидеров России, Китая и Монголии на трехсторонних встречах (2014–2022): комплексный контент-анализ // Восточная аналитика. 2024. Т. 14, № 1. С. 245–252. Текст: непосредственный.

15. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. Москва: ОГНИ, 2003. 320 с. Текст: непосредственный.
16. Лузянин С. Г. Российско-монгольские отношения и китайский фактор: современные трансформации // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 4. С. 6–15. Текст: непосредственный.
17. Родионов В. А. Эволюция подходов руководства России и Монголии к двусторонним отношениям // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2010. № 2(18). С. 135–140. Текст: непосредственный.
18. Родионов В. А., Аюшиева И. Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // Вестник Томского госуниверситета. 2017. № 420. С. 125–130. Текст: непосредственный.
19. Родионов В. А. «Мягкая сила» в современных российско-монгольских отношениях // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 255–260. Текст: непосредственный.
20. Төмөрчулуун Г. Олон улсын харилцаа, Монголын гадаад бодлого: онол, практик. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2015. 222 х.
21. Тунгалаг Д. Үндэсний эдийн засгийн аюлгүй байдалын онол, практийн зарим асуудал. Улаанбаатар: Тагнуулын Ерөнхий Газар, 2014. 281 х.
22. Фомин Б. Н., Эрдэнэмаам С. Русистика Монголии. Краткий очерк. Библиография. Документы / под редакцией Э. Равдана. Улан-Батор: Филиал ИРЯ им. А. С. Пушкина, 1991. 86 с. Текст: непосредственный.
23. Энхбаяр Д. Трансформация системы образования Монголии // Власть. 2011. № 3. С. 96–99. Текст: непосредственный.
24. Энхсайхан Ж. Монголын цөмийн ирээдүй. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2015. 182 х.
25. История Монголии. XX в. / ответственный редактор Г. С. Яскина. Москва: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2007. 448 с. Текст: непосредственный.
26. Güngör G. Mongolia's Search for Balance in Its Foreign Policy // Center for Eurasian Studies (AVİM). Analysis No: 2020 / 23. 28.08.2020. URL: <https://avim.org.tr/en/Analiz/MONGOLIA-S-SEARCH-FOR-BALANCE-IN-ITS-FOREIGN-POLICY> (дата обращения: 02.11.2025).
27. Telford S. To what extent does post-1990 Mongolia pursue an independent foreign policy? *UNISCI Discussion Papers*. 2004; 6: 1–15.
28. Гольман М. Монголия и США: от знакомства к стратегическому сотрудничеству // New Eastern Outlook. 2015. 31 мая. Текст: непосредственный.
29. Chin J. J. An Unlikely Democracy: The Legacy of Mongolia's 1990 Revolution. *The Diplomat*. 13.03.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/03/an-unlikely-democracy-the-legacy-of-mongolias-1990-revolution/> (дата обращения: 04.11.2025).

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 10.12.2025.

Key Features of the Development of Mongolia's International Relations After
the 1990 Democratic Revolution

Bavasan B. Garmaev

Intern Researcher

Laboratory – Asian Languages Translation Center

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., 670047 Ulan-Ude, Russia

bavasangarmaev@gmail.com

Abstract. The article shows the transformation and main vectors of Mongolia's international relations during the first decade following the democratic revolution of 1990. The collapse of the bipolar system and a deep socioeconomic crisis compelled the country to fundamentally revise its foreign policy, abandoning a one-sided orientation toward the USSR in favor of multivector diplomacy and the "third neighbor" strategy. The article studies the process of shaping a new foreign policy doctrine aimed at diversifying partnerships and balancing relations among Russia, China, and the leading powers of the West and Asia. The study is based on Mongolia's legal and regulatory acts, foreign trade statistics, and scholarly works by Mongolian and Russian researchers. The analysis identifies key challenges that had to be addressed to successfully implement the new course: overcoming the consequences of the geopolitical crisis and economic dependence; establishing a new legal framework for foreign policy; building relations with new partners (the United States, Japan, South Korea, and international organizations); and maintaining a balance of interests between Russia and China in order to safeguard sovereignty and national security.

Keywords: Mongolia, foreign policy, multivector diplomacy, third neighbor, democratic revolution, international relations, Russia, China, national security.

For citation

Garmaev B. B. Key Features of the Development of Mongolia's International Relations after the 1990 Democratic Revolution. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2025; 4: 55–65 (In Russ)

The article was submitted 02.12.2025; approved after review 09.12.2025; accepted for publication 10.12.2025.